

КАК НАСТЕЖЬ РАСПАХНУТЫЕ ОКНА...

Идея этого материала возникла год назад, когда футбольная общественность отмечала 60-летие Валерия ВОРОНИНА — великолепнейшего нашего футболиста, увы, безвременно ушедшего от нас. Тогда, в дни публикации многочисленных воспоминаний о Воронине, разговор с сыном как-то не сложился. И вот только теперь, спустя год, мы сидим вместе с сыном Воронина — Михаилом и за чашкой кофе собираем по крупицам те отрывочные воспоминания об отце, которые остались в детской-юношеской памяти сына.

У замечательного русского писателя Ивана Бунина в его книге «Жизнь Арсеньева» есть фраза, поразившая меня своей какой-то пророческой загадочностью. В одной из последних глав он вдруг, как это бывает у писателей, обронил вот такое: «Воспоминания — нечто столь тяжкое, страшное, что существует даже особая молитва о спасении от них». Как это верно сказано! Мне бы очень хотелось, чтобы те, кто будет читать нашу беседу с Михаилом, поняв, что имел в виду Бунин, помнили об этом.

— Самое первое воспоминание об отце — каким оно было?

— Это было в 1966 году, в день возвращения сборной СССР с чемпионата мира. Мне тогда было пять лет. Мы с мамой поехали встречать отца в аэропорт. Я как сейчас помню: он вышел к нам (а может быть, выбежал) — молодой, красивый, с безукоризненным пробором, в нейлоновом плаще, с саквояжем в одной руке и большим игрушечным самолетом в другой. Обнял и поцеловал маму, а потом подхватил меня на руки и сказал: «Ну вот, Мишань, а этот самолет тебе, смотри, почти как настоящий». Еще запомнилось, как отец впервые взял меня с собой на тренировку «Торпедо», а чтобы я не скучал, бросил мне настоящий футбольный мяч. Мне тот мяч тогда казался едва ли не больше меня. Впоследствии отец не раз брал меня с собой и на стадион, и в Мячково, но почему-то это ощущение большого и тяжелого для меня мяча врезалось в память особенно.

— Значит, дорога в футбол была единственным вашим путем в жизни?

— Вы знаете, мне и самому очень хотелось стать футболистом. Конечно, я был немножко избалованным, слава отца не могла меня не коснуться. На меня и в торпедовской школе, и в дубле, а потом и в тех командах, куда меня приглашали, смотрели, конечно, как на сына Воронина. Но, в принципе, футбол давался мне очень легко. Если бы я приложил побольше трудолюбия, посерьезнее относился к тренировкам, меньше гулял, наверное, достиг бы немалых успехов.

— Насколько я знаю, ваша спортивная карьера оборвалась из-за травмы?

— Да, собственно, играл я совсем немного. Видно, не судьба была мне стать футболистом. В 16 лет, после окончания торпедовской школы, стало меня носить по разным командам. Год был в дубле «Торпедо» — больше не задержался. Я был самолюбивым, с капризным характером.

А в 17 лет я мог оказаться в «Спартаке». Это было в 1978 году. Мама привела меня к Константину Ивановичу Бескову, и он оставил меня на тренировку. Они тогда как раз

Май 1962 года. Валерий и Михаил ВОРОНИНЫ.

готовились к поездке в Америку. Ну а команда тогда, сами понимаете, какая была. Шавло, Гаврилов, Черенков, Родионов, Дасаев — все великие. Мне Константин Иванович предложил сезон доиграть в спартаковской школе, а я не захотел, обиделся — как это так...

Что касается травмы, да, было небольшое повреждение спины. Болезненно, но, в принципе, играть можно было. И я играл в Тюмени, Кургане, Свердловске. В Тюмени, кстати, у нас хорошая была команда. Но в 1978 году, женившись, я решил бросить футбол. Наверное, к тому времени пришло осознание того, что фамилией отца надо дорожить! Да и вообще хватит обо мне, давайте лучше о нем поговорим.

— Отец всю жизнь играл только за один клуб — «Торпедо». Но команда эта была в разные годы разной. Он как-то сравнивал их?

— Конечно. Отец всегда говорил о двух командах «Торпедо»; вернее, о двух составах одной команды — 1960 и 1965 годов. Футболисты «Торпедо-60», на его взгляд, были талантливы от Бога, одареннее, универсальнее, а в 65-м успех был достигнут больше за счет трудолюбия. Ну а команда конца 70-х — начала 80-х годов была, увы, явно не в его вкусе. Помню, однажды он пришел хмурый какой-то. Спрашиваю: «Пап, ты чего, где был?» Он ответил не сразу: «Да на стадионе я был, на игре «Торпедо». Ничего не могу по-

нять. Понимаешь, Мишань, молотобойцы какие-то на поле выходят. Разве это футбол?»

— Команду 60-х он, наверное, неразрывно связывал с именем Виктора Александровича Маслова?

— Да, он очень уважительно относился к «деду», так все футболисты звали Маслова. Собственно, их отношения были более близкими. Жили-то мы ведь в одном подъезде с Виктором Александровичем — мы на 5-м этаже, а он на 4-м. Естественно, он часто бывал у нас дома, заходил в гости и после того, как отец закончил играть. Приходил, спрашивал, как дела, а обращаясь ко мне персонально, неизменно то ли констатировал, то ли уточнял для себя: «Ну что, бегаешь, пацан?» Отец считал его гениальным тренером, личностью.

Помню, когда был маленьким, не раз бывали в гостях у Валентина Козьмича Иванова, с его сыном Валькой мы ведь одногодки. К нам же в гости частенько приходил Бреднев, или дядя Володя, как я его называл. Сейчас он генерал, работает в МИДе. Мне было очень приятно, когда в прошлом году на открытии памятника Эдуарду Стрельцову он, увидев меня, подошел и обнял: «Ой, Миша, как давно мы с тобой не виделись», — и заплакал. Дружил отец и с Вячеславом Соловьевым, известнейшим футболистом и хоккеистом. В близких отношениях он был и с Борисом Батановым.

— А со Стрельцовым?

— Они часто встречались, общались и, безус-

повно, были близки друг другу своим пониманием игры. Но что касается внефутбольных отношений, на этот счет все говорят по-разному. Кто говорит, что они дружили, кто сомневается в этом. В принципе, Стрельцов был очень простой, такой вот работяга, идол всех автозаводцев. Отец в какой-то мере был его антиподом — интеллигентный, в хорошем смысле светский человек, со знанием иностранного языка... Круг интересов вне футбола — вот что у них было разное. А в футболе их объединяло многое. Даже уход из него был общим. Когда им намекнули, что пора заканчивать, для них это был сильнейший удар, прежде всего по психике. Отцу после автокатастрофы, после того как он побывал в состоянии клинической смерти, после того, как врачи его буквально по кусочкам собрали, было тяжело играть. Но, наверное, это можно было сделать как-то помягче. С другой стороны, он в дубле сидеть не стал бы. Очень был самолюбив. Да и после тех вершин, на которых он побывал, опуститься в дубль? Нет, этого бы он не вынес.

— Врачи, насколько я знаю, запретили ему играть в футбол...

— Да, это так. И то, что отец сыграл еще с десяток матчей, забил два-три мяча, причем один из них самому Льву Ивановичу Яшину, это было уже на пределе всех возможных физических и психических сил. Но, с другой стороны, он и не мог не вернуться. Я думаю, отец прежде всего самому себе хотел доказать, что после аварии он сможет вновь, наперекор всему и всем досужим сплетням, вернуться в футбол. Когда случилась эта автокатастрофа, мне было всего 7 лет. Значительно позже я осознал, что случилось. Начались неувязки в семье. Я ведь отца, да и маму в детстве редко видел — отец играл, был постоянно на сбо-

рах или в разъездах, мама тогда еще танцевала в ансамбле «Березка». Жил я в основном у бабушки с дедушкой, родителей мамы. Они были артистами, выступали в цирке.

— А как отец вел себя после автокатастрофы? Чего ему стоило пережить все это?

— Мы с ним не часто говорили на эту тему. Для него это был очень страшный удар, который, видимо, не был рассчитан на его силы. Но прилюдно он этого не показывал. Все держал в себе. Так же, хотя это, конечно, несравнимо, он переживал то, что ему все-таки не удалось сдержать Пеле в нескольких эпизодах, когда пришлось играть против него.

— Вы имеете в виду матч сборных СССР и Бразилии в Москве в 1965 году?

— Да. Потом, много лет спустя, он поделился со мной своими переживаниями. «Понимаешь, Мишань, — горячо говорил он, — я думал, был даже в полной уверенности, что справлюсь. Ведь в то время меня признавали лучшим футболистом страны, я находился в прекрасной физической и игровой форме, изучил по киноматериалам матчи с участием Пеле. Ну, кажется, все про него узнал. А вышел на поле и проиграл. Ты спросишь, почему? Таких футболистов, как Пеле, полностью выключить из игры невозможно, если, конечно, соперничать честно. Мало того, что он мяч укрывает корпусом так, что никак не

1965 год. Москва. СССР — Бразилия. Вступить в борьбу с ПЕЛЕ спешит Валерий ВОРОНИН (справа).

подобраться, так еще голоноступ у него как на шарнирах — угадать или предугадать, в какую сторону он от тебя будет уходить или какой финт сделает, практически невозможно».

Он очень переживал, что не сумел закрыть Пеле, и даже годы, похоже, были бессильны вылечить это переживание. Но абсолютно не правы те, кто считает, что после этого в отце якобы что-то надломилось. Главное его качество как профессионального игрока было умение извлекать уроки из своих неудач. Через год, на чемпионате мира в Англии, он прекрасно доказал это, блестяще справившись с опекой венгра Альберта, немца Зеелера, португальца Эйсебио. Повторюсь, он очень переживал свои неудачи, но одновременно анализировал

их и обязательно следующий матч против того же соперника играл уже по-иному. Я думаю, что по большому счету в нем пропал талант тренера. Если бы не бюрократические козни, он мог бы работать в «Торпедо» тренером. Мой отец очень тонко чувствовал и понимал игру. Посмотрев начало какого-нибудь матча, мог через 10 — 15 минут сказать, кто победит. И в подавляющем большинстве случаев оказывался прав. Однажды я его спросил, как это ему удается. Он ответил: «Знаешь, Мишань, в жизни есть некоторые вещи, которые очень сложно, если вообще возможно, объяснить. Это — одна из них. Понимаешь, футбол вообще очень сложно объяснить».

— Он мог бы стать и функционером в нашей федерации футбола, и журналистом, не так ли?

— Думаю, да. Ведь он прекрасно знал английский язык, у него было имя в футболе, его знали практически во всем мире, так что он вполне мог бы представлять наш футбол, быть нашим русским Беккенбауэром, что ли. Журналистом? Помню, он не раз садился за письменный стол и работал. А когда я спрашивал, что он делает, отвечал: «Тихо, Мишань, я работаю, пишу статью для еженедельника «Футбол». Выходит, и для вашего издания он тогда писал.

— Но в итоге он так никем и не стал. Как вы думаете, почему?

— Сложный это вопрос. Понимаете, с годами я становлюсь к отцу все ближе

И снова Михаил и Валерий ВОРОНИНЫ. Только чуть повзрослевшие.

и ближе. Наверное, оттого, что он становится мне понятнее. Я лучше других осознаю тот великий талант, которым наградила его Бог. Но вижу и понимаю другое: насколько этот талант опередил свое время и как он погиб, придя с ним в противоречие. О таланте отца я говорю в широком смысле слова, имея в виду не только его футбольное мастерство. Он ведь любил не только футбол в себе, но и... себя в футболе. Вот это последнее и пришло в противоречие с тем временем, в котором ему довелось жить. Судьба отца, думаю, и не могла сложиться иначе.

Я как сейчас помню его лицо, его неповторимую улыбку, добрые веселые глаза, черточки морщин в их уголках и... немой вопрос, так им и не озвученный (он никогда ни на что не жаловался): «За что?»

За что он после зенита своей славы остался один? Ведь по большому счету лишь несколько человек до конца боролись за него, поддерживая отца в его отчаянных попытках хоть как-то, каким-то боком остаться в футболе. Как только эти попытки окончательно провалились — его не стало. Мне трудно представить, как же надо было любить эту игру, чтобы, лишившись ее, потерять всякий смысл в жизни.

— Он страдал от одиночества?

— Да. Спустя какое-то время после автокатастрофы многие прежние его «друзья» от него отвернулись. Помню, когда был прощальный матч Льва Яшина, его не пускали на стадион. То ли не узнали, то ли еще по каким-то причинам. И тут, выйдя из автобуса, его увидел немецкий тренер Гельмут Шён. Так он подбежал к отцу, обнял его, поцеловал и, кажется, накричав на контролеров, провел на трибуну. В тот вечер отец пришел домой поздно, навеселе (наверное, там был банкет), но очень счастливый. Он прямо весь сиял. Мысли появились — кого-то тренировать, статью кому-то написать. Он буквально расцвел, был готов горы свернуть. Я помню, так он радовался и тогда, когда его брали поиграть за ветеранов, а значит, и пообщаться.

Вспоминается, как начальник строительного цеха ЗИЛА Вячеслав Иванович Гумбарг (большой поклонник «Торпедо») в трудную минуту, когда от отца отвернулись буквально все, позвонил ему и попросил заняться футбольной командой его цеха, участвующей в играх на первенство завода. Отец тогда опять сразу расцвел, стал активно заниматься делами, отыскал в столе свой «Оскар», врученный ему на чемпионате мира 1966 года как футболисту, вошедшему в символическую сборную мира (такой же был только у Льва Яшина), напечатал его и побежал показывать мальчишкам этой самой цеховой команды.

А Аркадий Иванович Вольский? Ведь это именно он настоял взять его в торпедовскую школу тренером, когда тогдашнее руководство, перестраховываясь, как бы чего не вышло, отказывало отцу в этой работе. Аркадий Иванович, пожалуй, остался

рекламным агентом этой фирмы. Да, в то время он уже не был действующим футболистом, но за его былые заслуги, за его многолетнюю рекламную деятельность, признание его как футболиста-звезды «Адидас» ежегодно присылал эту посылку с комплектом формы для отца и для меня. И каждый раз он ездил в аэропорт и простаивал на таможенную очередь. А потом в аэропортовском отделении КГБ был вынужден долго объяснять, почему именно ему и по какому праву приходят посылки из Германии. Я уж не говорю о том, что в посылку вкладывались и деньги для отца. Но они никогда до него не доходили, а шли в фонд уж не знаю какого развития.

— Вернемся в те годы, когда Валерий Воронин был футболистом. Вот вы рассказываете о том, как он переживал свои личные поражения, а командные он так же переживал?

вич обожал их), а Бесков привозил какое-то особенное, хорошее пиво. Сядут они на кухне и говорят допоздна — говорят о футболе. А по поводу того финального матча отец говорил так: «В принципе, Мишань, победить нам тогда было практически невозможно. Нам просто бы не дали это сделать. Собственно, футболом там и не пахло. Это была чистойшей воды политика». Бесков, кстати, не раз и не два звал отца к себе в «Динамо». Но он был патриотом своей команды.

— А чем для него было «Торпедо»?

— Всем. Больше, чем дом. Вся жизнь. А ведь хотели видеть отца у себя в команде и представители испанского «Реала». В том же 1964 году Гельмут Шён пригласил его в сборную Европы. И был там такой интересный момент. После матча кто-то из немецких футболистов, кажется, Шульц, пригласил Бобби Чарльтона, отца и еще не-

1966 год. Англия. Валерий ВОРОНИН в матче чемпионата мира со сборной ФРГ.

единственным человеком, кто был с отцом до последнего дня его жизни: звонил ему, приглашал в гости, в общем, до конца боролся, даже не за него, а вместе с ним.

А сколько переживаний доставляла отцу ежегодная посылка из Германии от фирмы «Адидас» с последними моделями спортивного костюма, бутс и личным письмом от президента фирмы Дасслера. Не правы те, кто говорит, что он якобы воображал себя

— Конечно, тут он различия не делал. Когда наша сборная в 1964 году проиграла финал чемпионата Европы испанцам на их поле, он был очень огорчен поражением и особенно переживал за Константина Ивановича Бескова. Они были очень дружны. Бесков не раз бывал в гостях у нас дома. А как они с отцом пиво пили — это было целое действо. Отец заранее готовился к приезду, покупал на рынке раков (а Константин Ивано-

скольких игроков к себе в номер. У них была банка икры, бутылка водки, упаковка пива. О том, что было дальше, отец рассказывал мне много позже: «А ты знаешь, Мишань, что в 1964 году я мог остаться в Испании навсегда. Там же, в гостиничном номере, на меня вышли агенты мадридского «Реала» и, предложив сумасшедший по тем временам контракт, предлагали не возвращаться на родину, а переехать на постоянное местожительство

в Испании». Я спросил: «Ну и как, что ты думал?» А он говорит: «Ты знаешь, очень, конечно, было соблазнительно, очень, но не из-за денег. Появилась возможность поиграть в классной европейской команде. Однако стоило мне представить себе, что будет здесь с вами — с тобой и мамой, что вас, конечно же, не только не выпустят ко мне, но еще, не дай Бог, и репрессируют, — сразу все желание пропало». И в 1965 году, когда «Торпедо» играло с миланским «Интернационале», итальянцы также звали отца к себе.

— Итальянцы тогда предпочитали закрытый футбол, исповедуя в обороне знаменитое «каттеначио». Это, наверное,

левой игрок, и как третий запасной вратарь. И он (может быть, мало кто об этом знает), здорово играл в воротах.

— В пору своего расцвета Воронин был очень популярен у нас в стране. А как он относился к своей славе?

— Вы знаете, он очень любил эту атмосферу, хотя я бы не сказал, что был избалован этой славой и, как говорят некоторые, не выдержал испытаний ею. Понимаете, отец был одним из первых наших профессионалов, в том смысле, что знал себе цену. Он вращался в артистических кругах: дружил с саксофонистом Алексеем Козловым, актером Борисом Хмельницким, журналистом-

день готовится к встрече с итальянской актрисой Софи Лорен, чтобы перед началом одного из сеансов на Московском кинофестивале подойти к ней и попросить автограф. Потом, правда, как маленький, ходил обиженный, что она хоть и подписала открытку, но не так бурно отреагировала на него самого — а ведь он же Воронин!

Главное, однако, не в этом. Он был первым нашим профессионалом — в том смысле, что знал себе цену. Приведу один очень показательный пример. Поехало как-то «Торпедо» в Шотландию (кстати, без переводчика, отец прекрасно справился с этой ролью сам), а суточных тогда давали мизер — долларов 20 на пять дней. Игроки каждый цент считают, чтобы что-нибудь купить в подарок домашним, а уж о том, чтобы потратить часть на себя, и речи быть не могло. И вот в Глазго, в клубном баре команды «Рейнджерс» отец вдруг зовет их (Ленева, Шустикова и других) к стойке и говорит: «Пива хотите?» А они в ответ: «Да ты что, Валерка, денег-то нет». А он опять: «Идите, идите, все нормально. Я тут одному репортеру интервью дал, вот получил гонорар, так что на пиво нам всем хватит». Все так рты и пооткрывали.

Или вот еще. У вас на столе под стеклом (и он показал на мой стол) фотография, где отец сидит рядом с итальянским репортером и держит в руках раскрытую газету (снимок слева). Вы думаете, он дает интервью? Не только. Обратите внимание: на последней полосе газеты фото последней модели итальянской машины «Фиат». Так вот, отец, он мне не раз говорил об этом, таким образом ее рекламировал.

Вот почему я утверждаю, что он знал себе цену. Я уж не говорю о том, что он сам готовил себя к играм, знал, когда надо дать себе отдых, а когда, наоборот, тренироваться до седьмого пота. Поэтому он и был первым нашим футболистом, который в те годы по всем параметрам готов был играть в зарубежном клубе, и не в каком-то там середнячке, а в самых элитных командах.

Так что бремя славы не давило на него, он, если так можно сказать, был дружен с ней, шел рука об руку. Он мог общаться и общался со всеми, начиная от дипломатов и министров и кончая работягами с ЗИЛа. Он любил вообще поговорить порой даже с совершенно незнакомыми людьми — всем рассказывал, как пил пиво с Бобби Чарльтоном, как получал из рук английской королевы хрустальные бокалы — приз самому элегантному футболисту чемпионата мира в Англии... Понимаете, душа у него была — как настеежь распахнутые окна...

— А какие фильмы, книги, музыку он любил?

— Музыку? Я помню, у нас был такой проигрыватель — старенький-старенький, еще с пластмассовой откидывающейся крышкой. Так вот, кажется, в 1966 году он из Англии привез две пластинки «Битлз». В то время это было большой редкостью, и отец часто их ставил и слушал. Очень ему нравилась эта группа. Любил он и театр, да и искусство вообще. Кстати, я уже упоминал, что мой дедушка, заслуженный артист России, и бабушка выступали в цирке. У них был номер — силовой дуэт. И вот когда дедушка стал режиссером-постановщиком, он предложил отцу, это уже было после автокатастрофы, когда он закончил играть, сделать в цирке совместный номер. Отец должен был жонглировать мячом, а все остальное дедушка брал на себя. Они, помнится, даже пытались что-то делать, репетировали, но что-то потом не сложилось.

— Извините, Михаил, но не могу не спросить вас вот о чем: Воронин в последние годы много пил, так, по крайней мере, говорят практически все, кто близко знал его.

— Да, я прекрасно знаю, что многие говорили и продолжают говорить сейчас, что он здоровый пил. Я-то очень хорошо помню эти моменты. Понимаете, из-за травмы головы ему ведь пить практически нельзя было. Даже небольшая доза алкоголя вызывала сильнейшую головную боль. Да, он выпивал, потому что не мог себя найти в послефутбольной жизни. Та,

Воронину не понравилась бы?

— Может быть. Отец больше тяготел к открытому, созидательному футболу. Наверное, это-то прежде всего и объединяло его с Бесковым. А вообще отец мог сыграть практически на любом месте: и опорного хава, и либеро, и по игроку, и крайнего полузащитника. В случае надобности мог даже стать на место голкипера. Да, да, не удивляйтесь, он мне как-то рассказывал, что на одном крупном международном турнире, согласно правилам, был заявлен в состав и как по-

международником Владимиром Познером, который, кстати, часто приезжал на базу в Мячково, привозил самые свежие музыкальные записи, и они с отцом вместе их слушали.

Однажды кто-то из режиссеров предложил ему роль в кино. Он потом не раз вспоминал это и говорил: «Ух ты, мог бы сняться в фильме. Мысль была интересная, но для ее осуществления просто не было времени». Хотя я думаю, что если бы не футбол, отец обязательно снялся бы — натура-то у него поистине артистическая. Представляете, он мог целый

1965 год. Москва. Выигран отборочный матч чемпионата мира у сборной Греции. На переднем плане Валерий ВОРОНИН.

работа, которую ему предлагали, была явно не его уровня. И все-таки говорить о том, что пил запоем, — нельзя. Не было этого.

— Я понимаю, что в детстве вы не часто могли проводить с отцом время. Но все же были и такие минуты.

— Помню, что мы ходили с ним в зоопарк, в цирк, но чаще всего, конечно, он брал меня с собой на тренировки. Пенальтики друг другу били. Учил он меня, как ногу при ударе ставить, как корпус расположить, но больше всего заставлял играть левой ногой. «Давай, давай, — говорил он, — больше левой играй, не может быть футболист одноногогим».

Еще что врезалось в память, так это посещение в 1972 году одного из хоккейных матчей знаменитой серии СССР — Канада. Его знакомые хоккеисты, а дружил он и с Мальцевым, и с Харламовым, и с Кузькиным, достали ему два билета. Помню, места на трибуне оказались у нас рядом с канадскими болельщиками. Отец, конечно, сразу же вступил с ними в беседу-спор, и к концу игры они уже были друзьями. А один из них на прощание подарил значки и клубную шапочку «Чикаго Блэк Хокс». Я очень долго ее носил и гордился подарком. Видите, как тогда, да и сейчас еще, откликается мне слава отца. До сих пор на какой-либо встрече кто-то скажет: «Вот сын Валерия Воронина», — и те, кто

не знаком со мной, обязательно протянут: «О-о, сын Воронина».

— Любопытно, как Воронин относился к тотальному футболу, показанному сборной Голландии на чемпионате мира 1974 года?

— Просто восторженно, ведь это как раз было в духе его понимания игры. Помню, когда я еще занимался в торпедовской школе, он мне не раз говорил, что я должен стараться быть универсальным игроком. От голландцев он был без ума, а Круиффа называл не иначе как величайшим игроком. Но, наблюдая за игрой голланд-

цев, он все равно замечал отдельные недочеты или, лучше сказать, возможности для усиления игры. Слушать его комментарии было одно удовольствие. Вообще его взгляд на футбол и футболистов был очень оригинальным. Не поверите, но, например, Гарринча ему нравился больше, чем Пеле, — по таланту, по степени одаренности, по технике работы с мячом. Или, скажем, у наших футболистов в тот период, в середине семидесятых — начале восьмидесятых, ему очень нравился Юрий Гаврилов, талант которого он ценил выше всех, даже выше Федора Черенкова. Он отмечал, что Гаврилов быстрее всех принимает решения, он говорил, что Юрий принимает решение, когда мяч еще только летит к нему. Он считал, что Гаврилову, по большому счету, не дали раскрыться полностью в сборной, в том смысле, что он не вписывался в концепцию игры Валерия Васильевича Лобановского. Вообще отцу нравились игроки-созидатели, а не разрушители. Очень симпатичен

ему был Франц Беккенбауэр, который хотя и играл на позиции либеро, но, по словам отца, был истинным созидателем. «Франц, — говорил мне отец, — по сути, заново открыл в футболе роль заднего защитника. Он едва ли не первым стал не только подключаться к атакам, не только принимать участие в комбинациях, но и завершать их точными ударами».

— О Валерии Воронине сложено немало легенд и всевозможных историй. Нет ли такой, которая еще не была озвучена?

— Ох, не знаю. Может быть, та, о которой мне рассказал Виктор Михайлович Шустиков. Случилось это на сборах «Торпедо» в Болгарии. Было начало весны, и они втроем — Шустиков, Медакин и отец — отправились к морю, решив искупаться. Вода была, конечно, холодная, да и штормило немного. Первым бросился в воду Шустиков. Но ему-то что, он морж, закаленный — полыхтел-полыхтел и выскочил на берег: «Ух, хорош!» Затем в воду полезли отец и Медакин. Поплавали немного, надо выходить, а вылезти не могут — волна обратно их в море затягивает. Виктор Михайлович, рассказывая мне это, говорил: «Понимаешь, Миша, испугался я. Стал звать на помощь, пункт спасателей был недалеко, но на лодке тоже подплыть не могут». В общем, кое-как выбрались они на берег, перебороли волны. Вот такая была история.

— Каким, Михаил, остался в вашей памяти образ отца?

— Он навсегда останется в моей памяти красивым, элегантным, с безукоризненным пробором, в белой рубашке, галстуке, улыбающимся, доброжелательным. Примерно таким, как вон на той фотографии, что висит у вас на стене...

...На сем мы распрощались. А на ту фотографию смотрю очень часто. К сожалению, я не был лично знаком с Валерием Ворониним. На поле видел его часто, собственно, не пропуская ни одну домашнюю игру «Торпедо». Видел, как он опекал Пеле в московском матче, видел тот его знаменитый гол Яшину... А вот лично поговорить, увы, не пришлось ни разу. Поэтому сейчас я часто смотрю на этот портрет Воронина и мысленно с ним беседую. О чем? О футболе, конечно.

Иван ТИМОШКИН.